

ГОРЬКАЯ ПОЭЗИЯ СОСТРАДАНИЯ, или О Галине Волчек, которую нельзя не любить

Михаил ШВЫДКОЙ, критик

Есть удивительные женщины. С годами они обретают уникальное чувство жизни, способное стать вровень с талантом и возвышающее природный артистический дар. Такой была любимая актриса моей юности Симона Синьоре. Такой стала Галина Волчек.

Я знаю все ее заслуги перед отечественным театром, ее общественный темперамент, ее жестковатую иронию и нормальную театральную обидчивость. Знаю, что она совершила чудо, сохранив театр «Современник», детище «оттепели» 50-х годов и таланта молодых артистов во главе с Олегом Ефремовым, — чудо состояло в том, что именно Волчек не дала изменить направление этого театра, его художественную и гражданскую линию после ухода во МХАТ большинства основателей. И знаю, каких мук порой ей это стоило, — мало режиссеров способны вести один и тот же театр на протяжении более чем

двадцати лет, выдерживая приливы и отливы театрального успеха и закулисной молвы.

Только за то, что она сохранила этот театр, ей нужно будет поставить памятник на Чистых прудах — пускай потом историки разбираются, какой спектакль Волчек был выдающимся, а какой просто профессиональным.

Обаяние ее режиссуры, развивающей социально-психологические традиции Художественного театра, — предмет сотен статей от Одессы до Хьюстона. Сострадание к людям, острое понимание краткости человеческого бытия, муки человеческой жизни, на которую обрекал безжалост-

ный социум и сама природа, представляли по-особому остро ощущать магические «здесь и сейчас», столь неизбежные для всякого, кто вступил на театральные подмостки. «Двое на качелях» У. Гибсона и «На дне» М. Горького, «Обыкновенная история» И. Гончарова (пьеса В. Розова) и «Эшелон» М. Рождина, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург... Эти и другие спектакли режиссера Галины Волчек заняли достойное место в истории российской сцены, без них она будет неполна.

Знаю: для многих зрителей Волчек — прежде всего характерная актриса, умеющая «сразу сказать, кто сволочь». Ее трагически-гротескные или зловеще-фарсовые роли — Нюрка-хлебозерка из «Вечно живых» В. Розова и Грачиха из «Без креста» В. Тендрякова — стали актерской классикой.

Словом, за четверть века мой критической практики накопи-

лись вполне определенные представления, которые можно было бы выразить в некоторой объемистой рукописи под названием «Вклад народной артистки Галины Борисовны Волчек в развитие российской театральной культуры».

Но ничего не могу поделать, для меня Галина Волчек сама по себе — вне зависимости от ее места службы — некое уникальное явление природы и искусства, индивидуальность, которая как бы не умещается до конца в свои творения, хранит некоторую тайну, загадку, умножающуюся с годами. Это чувство, быть может, возникает от того, что Волчек погружается в бездны женской души, пытается разгадать великую тайну любви и притяжения жизни. И если она говорит «нет», то только в тоске по «да».

Жажда любви — и ее недоступность, невозможность, уязвленность — могуществен-

ный сюжет ее актерских и режиссерских работ. Скажу больше — сюжет ее профессиональной судьбы: она умеет любить своих младших коллег и партнеров. Никто так щедро, как она, в 70-е годы не давал ставить молодой режиссуре, мало кто так пронзительно вливал новую актерскую и драматургическую кровь в старые мехи «Современника». И далеко не все отвечали ей взаимностью.

Впрочем, я не собираюсь сочинять портрет ангела — художественные руководители театров, да еще с таким стажем, как Волчек, ангелами не бывают. По-моему, Волчек и не стремится достичь подобного чина. Она знает цену жизни и цену театра. И поэтому — ищет спасения в своем театральном доме, в своей театральной семье — пусть даже здесь, как и во всякой семье, далеко не всегда царит прекраснородушная гармония согласия. Да и о каком прекрасно-

души можно говорить, когда имеешь дело со звездами первой величины — от Толмачевой, Гафта, Кваши до Нееловой, Ахеджаковой и Е. Яковлевой.

Но «Современник» — это ее дом, который она уберегла от бурных ветров театральной истории, а потому имеет все права, чтобы он защищал ее в наши крутые, безжалостные времена.

Впрочем, похоже, сама Волчек в защите не нуждается, она по-прежнему способна защитить и обогреть каждого, кому это необходимо. Правда, ее участие — мудро избирательно. Наверное, жизнь научила. Оттого она так просто и резко сыграла Голду в дуэте с Михаилом Ульяновым — Тевье-молочником в телевизионной версии знаменитой повести Шолом-Алейхема.

Мудрость всегда вызывает уважение, а загадка таланта пленяет настолько, что ее вовсе и не хочется разгадывать до конца.

Романс — пусть и в прозе, — конечно же, не жанр театральной критики. Но иногда (пусть и очень редко), коль скоро речь идет о первой леди московской сцены, критику позволительно забыть о цеховых правилах.